

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
доктора филологических наук (специальность 10.02.19 – теория языка),
доцента, главного научного сотрудника
Олега Алимурадовича АЛИМУРАДОВА, о диссертации
Танзили Тахировны МАКИТОВОЙ «ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КАТЕГОРИИ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ЖАНРАХ
НАУЧНОГО ДИСКУРСА», представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика (Нальчик, 2023, 166 с.)

Изучение репрезентации категорий, имеющих самую разную природу, в дискурсе имеет достаточно давнюю традицию в лингвистике. Программная работа критического дискурс-анализа (пожалуй, самого лингвистически ориентированного из имеющихся в науке подходов к изучению дискурса) Нормана Фэйклау была посвящена как раз проблеме манифестации категории власти в политическом дискурсе Великобритании. По выражению Мэри Бьюхольц, процессы, которые происходят вне дискурса, в значительной степени продуцируются и/или репродуцируются через посредство дискурса, который, таким образом, выступает своеобразным «зеркалом», в котором преломляются изначально неязыковые процессы, протекающие, тем не менее, при посредстве языка и так или иначе влияющие на субъектов дискурсивной интеракции. Учитывая персональный характер дискурса, постулирование которого наследует триединой трактовке текста, предложенной еще М.А.К. Халлидэем (собственно текстуальное измерение, измерение идеи (концепции) текста и интерпретативное измерение), можно констатировать, что первостепенной важностью при изучении дискурса обладают феномены, имеющие ярко выраженную личностную или межличностную природу. С этих позиций **актуальность** диссертации Т.Т. Макитовой для современной теоретической и практической дискурсологии не вызывает сомнений. Согласие и его антипод несогласие – феномены исключительно интерперсональные, и их

рекуррентная манифестация в дискурсе подтверждают интеракциональную и intersubjectную природу дискурсивного взаимодействия.

С практических позиций ценность проведенного Т.Т. Макитовой исследования, как представляется, лежит далеко не только (и, вероятно, не столько) в плоскости использования полученных результатов в учебном процессе, как это заявлено во введении к работе (*стр. 10*). Предпринятое соискателем исчисление и категоризация средств манифестации согласия / несогласия в научном дискурсе гуманитарной (преимущественно лингвистической) сферы может составить основу для интереснейшего пособия по интерпретации научного дискурса, возможно, имеющего даже лексикографический характер.

Отдельного упоминания заслуживает **методологическая база** диссертации Т.Т. Макитовой. Автор не просто прописывает комплекс использованных ей методов, выделяя среди них общенаучные (анализ и синтез) и частно-дисциплинарные (дистрибутивный и компонентный виды анализа, процедуры дискурс-анализа и т.д.), но и подробно объясняет, на каких этапах исследования и для решения каких задач применялся тот или иной метод. Такая модель презентации, на мой взгляд, заслуживает всяческого поощрения, поскольку позволяет говорить о том, что исследовательские алгоритмы были использованы диссертантом осознанно, а само исследование осуществлялось в логичной взаимосвязи этапов с четким целеполаганием.

Оценивая **теоретические и практические результаты, полученные соискателем**, отмечу, что ими насыщены как первая, так и вторая главы рецензируемого труда. Основным достижением первой главы диссертации, посвященной рассмотрению феномена научного дискурса, а также статуса согласия / несогласия как категориальной формации, полагаю, следует признать глубокий анализ согласия / несогласия как трансдисциплинарной категории, получающей различную трактовку в рамках разных научных отраслей и исследовательских парадигм (социологии, политологии, психологии, лингвистики и др.). При всех различиях в подходах, существуют определенные содержательные

доминанты, которые выделяются у согласия / несогласия большинством исследователей, и именно наличие этих доминант позволяет квалифицировать исследуемую Т.Т. Макитовой категорию как трансдисциплинарную. Уже на этом этапе согласие / несогласие проступает не просто как категория, организованная по классическому, аристотелевскому, типу, а как категория, у которой, помимо очевидно присутствующих полюсов, выделяется и некая переходная зона, в которой несогласие может трансформироваться в согласие и наоборот (см., например, анализ лингвистических трактовок согласия / несогласия, представленный на *стр. 25 и след.*). Представляется, что именно в этой переходной зоне актуализируются очень важные для понимания природы исследуемой категории корреляции «согласие ↔ доминирование» (согласие есть следствие признания авторитета партнера по коммуникации, а не правоты его слов), «согласие ← убеждение» (трансформация несогласия в согласие как следствие использования в дискурсе различных эксплицитных стратегий убеждения) и «согласие ↔ манипуляция» (согласие как результат скрытых манипуляций адресанта дискурса с использованием различных неявных стратегий воздействия на адресата, либо как средство такого воздействия).

В рамках второй главы работы автор также приходит к нескольким важным для понимания ее концепции выводам. Прежде всего, доказана связь актуализации категории согласия / несогласия с оценкой репрезентируемой в дискурсе информации (в первую очередь, по критерию истинности / ложности). Помимо этого, Т.Т. Макитова обосновывает связь анализируемой ей категории с другими категориями, которые имеют уже чисто дискурсивный характер (именно здесь четко устанавливается факт дискурсивной манифестации согласия / несогласия), среди которых одна из ведущих ролей вполне обоснованно отводится интертекстуальности. Соискатель тщательно инвентаризирует средства выражения исследуемой категории, стратифицируя их на эксплицитные и имплицитные с поправкой на частотность их использования в разных дискурсивных жанрах.

Переходя к дискуссии с диссертантом, заострю внимание на следующих аспектах исследования, требующих раскрытия в ходе защиты.

1. Анализ содержания «согласия» и «несогласия» в рамках общественных наук вызывает два основных вопроса:

а. во всех ли проанализированных автором концепциях и трактовках «согласие» и «несогласие» действительно представляют собой два компонента (полюса) аристотелевской категории? Не имеют ли данные сущности в некоторых случаях статус понятий? Если да, то как коррелируют понятийный и категориальный статусы «согласия» и «несогласия»?

б. сомнительно, что на приводимых на *стр. 20 и 21* рис. 1 и 2 представлены именно функционально-семантические поля составляющих рассматриваемой в диссертации категории. Скорее автор строит систему *понятий*, компоненты которой через разнообразные корреляции раскрывают содержание «согласия» и «несогласия». Подтверждением понятийного статуса выделяемых автором конститuentов «согласия» и «несогласия» служит тот очевидный факт, что они могут получать вариативную вербальную репрезентацию.

2. В диссертации находят отражение современные лингвистические труды по затрагиваемой автором проблематике, но, как представляется, не всегда в достаточном объеме. В частности, в разделе, посвященном обзору лингвистических подходов к феномену дискурса, на мой взгляд, не хватает анализа работ, выполненных в рамках критического дискурс-анализа (КДА), основы которого были заложены в ставших уже классическими работах Н. Фэйклау. Учитывая специфику объекта изучения в рамках рецензируемой диссертации (а таковым следует признать именно категорию согласия/несогласия), а также основные методологические предпосылки КДА, в центре внимания которого, по выражению Р. Водак, находятся «непрозрачные и в то же время очевидные взаимоотношения господства, дискриминации, власти

и контроля, репрезентируемые посредством языка» [Wodak R. *Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Handbook of Pragmatics / Ed. by J. Verschueren, J.-O. Östman and J. Blommaert. NY: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 204-210*], привлечение методологии КДА открывает прямую дорогу к анализу уже упоминавшихся важнейших для понимания коммуникативной сущности согласия корреляций, как «согласие ↔ доминирование», «согласие ← убеждение» и «согласие ↔ манипуляция». Убежден, что в научном дискурсе указанные корреляции столь же актуальны, сколь и для тех разновидностей политического дискурса, которые в свое время анализировали Н. Фэйклау и Р. Водак. К примеру, «согласие ↔ доминирование» напрямую связано с одним из ключевых для научной коммуникации параметров – авторитетом, в то время как «согласие ↔ манипуляция» актуально для псевдонаучного и лженаучного дискурсов, рассмотрение которых может, полагаю, составить весьма актуальную перспективу развития рецензируемого исследования.

3. На *стр. 51* диссертации Т.Т. Макитова отмечает, что «статусно-ролевые различия участников не являются конститутивным признаком научного дискурса. Поскольку адресат и автор дискурса являются носителями совпадающей научной картины мира, адресат выступает как соучастник коммуникации». Если нивелировать значимость статусно-ролевых различий, то как быть с таким, бесспорно, значимым для научного дискурса параметром, как авторитет (понятие задействуется и самим диссертантом, например, на *стр. 73*)? Помимо этого, если принять, что адресат и автор научного дискурса действительно являются носителями совпадающей научной картины мира, то разве это не исключает возможность проявления в таком виде дискурса несогласия?
4. Представляется слишком упрощенным мнение соискателя о том, что «цитата в новом тексте используется автором для выражения близости или совпадения своей позиции с позицией Другого» (*стр. 79*) (и данное замечание лишний раз подкрепляет мои слова). Цитата как интертекстуальный элемент в научном

тексте может выполнять гораздо более сложную и неоднозначную роль и выступать средством репрезентации несогласия: например, служить отправной точкой для дискуссии с автором прецедентного текста (именно так обстоит дело в данном замечании, также являющемся компонентом научного дискурса) или составлять повод для порицания автора (так может происходить, когда научная дискуссия приобретает идеологическую маркированность – в XX веке так происходило не раз; жаль, что диссертант не рассматривает примеры подобного рода, ведь они были и в лингвистическом дискурсе!).

5. Интерпретация Т.Т. Макитовой некоторых примеров оставляет впечатление некоторой недосказанности. Не всегда очевидно, как диссертант приходит к выводу о манифестации согласия или несогласия в конкретном фрагменте дискурса. Показателен в этом отношении анализ высказывания Г.В. Степанова о том, что «лингвистика стала служанкой текста» (см. *стр. 81-82 диссертации*), в ходе которого соискатель констатирует, что «скрытый смысл несогласия выводится из содержания всего высказывания», но при этом никак не конкретизирует алгоритм вывода этого скрытого смысла (в лингвистике таких инференциальных алгоритмов выработано множество для самых разных высказываний и/или более крупных текстовых фрагментов). Если разбирать этот пример более подробно, то становится очевидным, что интерпретация диссертанта не совсем верна: несогласие репрезентируется не высказыванием целиком, а лишь содержащейся в нем негативно окрашенной метафорой «служанкой». Примеры такого рода (констатирующие высказывания) вообще крайне интересны для интерпретации в аспекте согласия/несогласия, поскольку в них действительно не содержится эксплицитного несогласия, т.е. отрицания референтной ситуации или констатации неправомерности ее представления, а выражается оценка этой ситуации. Можно ли негативную оценку такого рода считать несогласием – очень непростой вопрос, находящийся в компетенции как логической, так и лингвистической семантики (интересные размышления на эту тему содержатся, например, в: *Романова Т.В. Модальность. Оценка.*

Эмоциональность: монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.).

Приведенные выше полемические соображения, тем не менее, не препятствуют общей положительной оценке диссертации Т.Т. Макитовой, в которой с использованием апробированных в лингвистике методов и методик получены ценные теоретико-эмпирические результаты, поддающиеся верификации.

В тексте диссертации полностью раскрыты и обоснованы положения, выносимые на защиту; все выдвигаемые автором тезисы иллюстрируются достаточным количеством примеров. Автореферат и публикации в научных изданиях (в том числе – в научных журналах по Перечню ВАК) адекватно отражают основные положения работы. Перечень публикаций диссертанта свидетельствует о том, что исследование прошло необходимую апробацию, а его промежуточные и конечные результаты доведены до сведения научной общественности.

Диссертация Т.Т. Макитовой соответствует паспорту заявленной научной специальности в части следующих исследовательских направлений: «9. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста»; «12. Исследование уровневой структуры языка, взаимодействия уровней и модулей в моделях языка: - Теоретические проблемы текста и дискурса».

Анализ рецензируемого научного труда позволяет утверждать, что он полностью соответствует всем требованиям и нормативам, установленным «Положением о присуждении ученых степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 с соответствующими последующими изменениями), в части актуальности, научной новизны представленных трактовок и полученных результатов, репрезентативности и валидности эмпирического материала, верифицируемости и непротиворечивости

гипотезы, теоретической значимости и практической ценности, полноты апробации теоретических и эмпирических результатов. Автор рецензируемой диссертации, **Танзиля Тахировна МАКИТОВА**, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

25 августа 2023 года

Официальный оппонент

доктор филологических наук (*специальность 10.02.19 – теория языка*), доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур Института переводоведения, русистики и многоязычия ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», начальник управления научной работы ФГБОУ ВО «ПГУ», главный научный сотрудник научно-образовательного центра ФГБОУ ВО «ПГУ» «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии»

Олег Алимуратович Алимуратов

О.А. Алимуратов
Начальник управления кадрового обеспечения
ФГБОУ ВО «ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
А.В. Кленни
23

Контактная информация

Алимуратов Олег Алимуратович

Почтовый адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, 9.

Тел.: (8793) 400-110, (8793) 400-148, (8793) 400-175.

Факс: (8793) 400-310.

E-mail: alimuole@mail.ru

Web-сайт организации: www.pgu.ru